

18+

Lena Swann

Рецепт

Lena Swann

Рецепт

«Издательские решения»

Swann L.

Рецепт / L. Swann — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509231-1

Из-за Болотного разгрома и уголовной ловли Кирилл сваливает на дачу на Лазурном Берегу. Ася сбегает из-под домашнего ареста и под видом мешка с картошкой в грузовике покидает Россию. Кирилл едет разыскивать Асю в Брюссель, но поездка полностью переворачивает всю его жизнь.

ISBN 978-5-00-509231-1

© Swann L.
© Издательские решения

Рецепт

Lena Swann

© Lena Swann, 2020

ISBN 978-5-0050-9231-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кирилл тяжело болел всю зиму: какая-то смертельная зараза гуляла по всему лазурному побережью, косила всех подряд, и французов и эмигрантов, и богатых и нищих, – у знакомых французов в Ницце на Карабасэль, из четырех заболевших детей, чуть не умер старший мальчик, и Кириллу тоже уже временами казалось, что и сам он не выкарабкается. В Ниццу, чтобы не заражать друзей еще больше, он старался не выбираться – так и осел на (теперь уже пожизненной, видимо) даче, в гористом местечке над морем, на кривом перегоне между Монако и Ментоной, которое (смешно, за это и купил) так и называлось: Datcha. Зловещий вирус, который, видимо, из суеверной предосторожности, местные жители предпочитали называть «гриппом», к январю перешел в воспаление легких, и до невыносимости пахучий женскими духами вертлявый брюнет-француз – частный врач – каждый день дважды, утром и вечером, приходил делать Кириллу уколы – и это чем-то карикатурно напомнило Кириллу моряцкую его юность, долгие заграничные рейсы на корабле, когда вдруг что-то случалось, и молоденькие медсестры, хихикая и стесняясь, жарко защемляя кожу, ставили на широкую накачанную плечистую боксерскую спину распластанного на жутко холодной, клеенчатой медицинской койке подхохотывающего и подкашливающего Кирилла горячие банки.

Асе он впервые написал растроганный и-мэйл на православное Рождество (выведал, как бы невзначай, под выдуманым, как бы политизированным, предлогом, через практически незнакомых знакомых, что она в Брюсселе) – написал не то от тоски из-за вынужденного карантинного пересида взаперти дома, не то из дурацкого страха: «а вдруг – и вправду помру, – и, что ж, мы с ней так никогда и не увидимся и не поговорим толком?» – хотя до этого – вот уже несколько лет, с момента экстренной и ее, и его эвакуации из России сразу же после Болотного разгрома и уголовной ловли, он не то чтобы не думал о ней, а, как-то, скорее, стеснялся ее через друзей впрямую разыскивать, – знал только, что она в безопасности. Ася уехала, потому что ее ловили, а Кирилл (который всего-то в паре-тройке уличных протестов участвовал) – скорее из запредельного омерзения. А так же из-за того, что не только к узурпаторскому режиму, но и к уличной оппозиции он особого тяготения не испытывал – с тоской выслушивал, как какие-то революционно настроенные не очень приятные ему мужчины и женщины орали на митингах в мегафон, скандируя что-то по слогам, и как толпа, так же ритмично, за ними точь в точь повторяла, – и в общем-то, грустно вздыхая, отдавал себе отчет, что выбор невелик: либо – оставаться и бороться (но тогда заткнуть нос и забыть про разборчивость и вкусовщину), либо отваливать за бугор в знак протеста – чтоб не нести моральной ответственности за преступные действия режима. Вростать же в родную почву как гриб и жить молча вегетативной жизнью, как жили многие из его соседей в Москве, Кирилл считал подлостью и низостью, не достойной человека.

Но ему-то отваливать было куда – маленькую дачку в буйно-заросшем, по-средиземноморски мимозно-хвойно-розмариновом, с толикой высоченных пуавриеров и карликовыми каракулевыми кипарисами пирамидальной масти, местечке Datcha он купил уже лет двадцать назад, как только самопальный его бизнес для прокорма себя и матери – прогон, на заказ, юзанных японских автомобилей через Владивосток в Москву – вдруг (на диких пост-перестроечных

дрожжах) превратился в успешную фирму, с модным московским автосалоном. А Ася бежала в никуда, – и Кирилл (который все эти годы то и дело думал: «надо бы разыскать, как-то тактично предложить ей помощь... да неловко... ну кто я ей? никто! раз улыбнулись друг другу за общим шумным столом в «Китайском летчике»!) искренне был рад узнать через неблизких знакомых, что, оказывается, Ася сделала уже удачную карьеру в европейской какой-то там правозащитной организации и снимала себе квартиру в Брюсселе.

К февралю, когда чудовищный тошнотный парфюмированный француз закончил курс уколов и у Кирилла развилась чудовищная же аллергия на антибиотики (а может быть – заодно и на вертлявого врача), с отёками, с приступами удушья, с жуткой изнуряющей слабостью, с головокружениями, так что трудно было даже и ходить, – Кирилл с Асей уже успел перебраться несколькими (вполне остроумными, надо сказать) и-мэйлами.

«Я жлобский юг Франции вообще-то не очень люблю, – дразнилась в одном из них Ася, – но если выбирать между Ментоной и ментами, то я, наверное, на Вашем месте, тоже выбрала бы первое».

И Кирилл (словно бы через буквы и-мэйлов проступило Асино хохотливое чуть полное, веснушчатое, с жесткой белёсой прямой длинной соломой волос, заложенных по бокам за уши, личико с чудесными веселыми смеющимися светлыми – подсолнуховыми – беззаботными глазами) вдруг разом так ярко вспомнил всю какую-то трагическую неурядицу того московского вечера их знакомства: Ася, водившаяся не с занудами-лидерами оппозиции, а с бесстрашными тинэйджерами – заводилами уличного протеста, да и сама в свои тогдашние тридцать с копеечками выглядевшая как шкодливый ловкий мальчишка-школьник, прославившаяся несколькими дерзкими перформансами с акробатическим вывешиванием хулиганистых рифмованных правозащитных лозунгов на мостах, – от прочтения которых все потом от хохота складывались пополам, – и удачными гасами от ментов, – была к тому моменту уже знаменитостью в тусовке оппозиционных активистов, Асино имя было уже давно нарицательным, его произносили не добавляя фамилии, с многозначительностью и с восторгом, – а Кирилл... Кирилл, которого прихватила с собой на встречу в клуб младшая двоюродная сестра, чувствовал на фоне тусовки оппозиционных знаменитостей себя никем – так, прикнувшимся обывателем, пошлым сочувствующим бизнесменом. На Асю только что, за неделю до этого, было совершено покушение, двое поджидали ее между дверями подъезда с ножами (за первыми незапертыми дверями – в черном предбаннике перед дверями вторыми, с кодовым замком) – но она чудом, по невероятному секундному совпадению, спаслась – соседка выбежала из подъезда выгулять на ночь гигантскую немецкую овчарку, и овчарка (у которой явно уже крутило желудок и позарез нужно было на улицу по-большому) не просто спугнула мерзавцев, а вихрем снесла их с крыльца дома и в ярости гналась за ними до соседнего квартала, раздирая на их трусливых жопах штаны («Дааа – вам смешно – а у меня вот весь локоть в синяках! – храбрилась в шутку Ася. – Меня ведь сбросило в толчее с крыльца тоже, откатилась в клумбу колбасой»).

И теперь Асю каждый вечер провожали до квартиры друзья.

– Вы ужасно похожи на... Не помню фамилию! – на секунду отвлекшись от жареной гречневой каши с грибами, смешно надув жующие щеки с ямочками, дожевывая, запивая морсом, давясь, грохая граненый стакан с морсом на деревянную столешницу, явно ни секунды не думая о том, как она выглядит, весело кричала ему Ася, через весь стол, стараясь перекричать гвалт друзей, грохот идиотской музыки (какого-то бездаря, дававшего в тот вечер концерт) и радостный ор незнакомцев за соседними столиками. – Вы ужасно похожи на него, на этого актера! Который играл... Ох, как же этот фильм назывался?!

– Нет, это неправда. Я совсем не похож на Хью Гранта, – грустно и обыденным, как всегда чуть расстроенным, голосом подсказывал (по давно уже выработавшейся в таких случаях привычке) Кирилл, во избежание дальнейших блужданий.

И хлопал короткими ресницами и как-то по-особенному, как грустный добрейший сенбернар с породистой тяжелой головой, возводил на Асю от собственной тарелки с борщом большущие аквамариновые глаза с особым абрисом век – с опущенными вниз внешними углами, и как-то по-особенному грустно-недоуменно-дружелюбно складывал в прямую крепко зажатую линейку губы, и смеялся одними глазами, – и, чем больше он Асиных задиристых вопро- сиков через стол смущался, тем более зримо кочки желвачков шли по выпуклому, округлому местечку над массивным широким подбородком Кирилла – словно он смакует во рту сладкую газировку.

Ася умудрилась выпросить у него в тот вечер всё: и как в юности он сбежал от матери (тихой порядочной московской искусствоведши) в высшее инженерное торговое мореходное училище (хотел свободы и заграницы, вырваться из совкового концлагеря размером с огромную страну), и как он, в последние советские лихолетия, жил, уже на студенческой практике, портовой жизнью, и как в Мурманске на судно, когда оно причаливало из заграничных рейсов, неофициально позволялось приводить в гости жен (Кирилл тогда как раз был женат в первый раз), и жёны, по особому разрешению капитана, даже столовались вместе с моряками, и что это для всех, в те голодные на суше совковые годы, был чувствительный тонкий вопрос, который все старались тактично обходить стороной и делать фигурой умолчания, и как однажды капитан его судна, забыв об этом, как раз перед обедом (когда жены сидели уже вместе с моряками в кают-компании) завидев из рубки, как на палубу слетелась гигантская стая чаек пожрать из ведра помоев, в гневе, громогласно, так что разнеслось по всему судну, гаркнул в капитанский громкоговоритель: «Ну что, бляди, слетелись на халяву?!» – И Ася хохотала так, что и все вокруг уже аж икали от хохота, – и Кирилл как-то невзначай вновь, как и в лихой моряцкой молодости, стал душой молодежной этой, дурацкой, юнцовой, Асиной компании, и все на него любовались, и все его о какой-то дурацкой моряцкой ерунде расспрашивали.

И Кирилл ужасно завидовал вот этой вот какой-то простоте и лихости Аси, которая только что пережила смертельную опасность – а вот жадна до ржачки, и так славно хохочет, когда Кирилл (по миллионному разу в своей жизни), вдруг вытащив, казалось уж, из давно закопанного ящика, ан вот нет – вдруг опять сгодившиеся – моряцкие анекдоты из собственной жизни, – артистично и со вкусом, и с мимикой, и с причитающейся экспрессивной жестикуляцией, сложив руку рупором, их декламирует. Ася была моложе его лет на десять-двенадцать – как раз ровесницей двоюродной его сестры, – словом, из того поколения, которому Кирилл тоже немного завидовал – которое почти не знало советского рабства – но которое, тем не менее, как-то интуитивно чувствовало всю ту блевоту диктатуры, в которую ни за что нельзя возвращаться, – успело застать зловонье серой разлагающееся диктатуры в раннем классе школы – с насильственным уколом прямо в сердце кровавой булавкой уже напившейся чьей-то крови пятиконечной звезды с антихристом; с оглушающей до тошноты, бравурной до пьяности, патриотической музыкой из сломанного, вечно фoniaщего динамика на октябратских линейках вокруг спортивного плаца; с возложением цветов гипсовому идолу в вестибюле школы (бюсту массового убийцы с чуть отколотым, сифилитическим носом), – и с вечно воняющими гнилыми мокрыми тряпками в желобке для мела у классной доски, до которых без омерзения нельзя было дотронуться, – как прививка навсегда против любого мозгомойства, – и, как Кириллу казалось, именно поэтому они с Асей как-то с полуслова друг друга понимают.

– Можно сегодня я буду тем охранником, кто Вас проводит до дома, ради Вашей безопасности? – чуть сглатывая жареные картофельные кубики застенчивости переспросил Кирилл, когда Ася засобиралась домой.

– Как прекрасно! – запросто заулыбалась Ася, быстро-быстро, как будто бы вдруг оказалась на официальной встрече, где неприлично выглядеть кое-как, прочесывая солому волос растопыренными пальцами обеих рук, и сияя глазами. – Вы такой милый человек, такой надежный! Я как раз хотела попросить Вас об этом! Если Вам не трудно.

Широкоплечий, коренастый, крепкий и вполне бойцовского вида Кирилл вежливо довез ее в своем джипе до подъезда, затем, нарочито-комически выдвинув вперед челюсть и комично сжимая кулаки, пошел чуть впереди Аси, проводил ее до квартиры (в угрюмом довольно, многоэтажном доме на Измайловской), вежливо отступил на два шага в сторонку, по-рыцарски чуть поклонившись на прощание, в темненьком загаженном коридоре, пока Ася крутила ключ в двери, – и, как бы невзначай, спросил, можно ли он будет ей иногда звонить.

– Ну о чем Вы спрашиваете? – как-то совсем по-другому, вдруг уронив маску веселости и легкости, жутко устало, словно разом осунувшись и плеснув вниз плечи и руки произнесла Ася. – Ну конечно, звоните в любой момент... – таким в общем-то голосом, что Кирилл вдруг почувствовал, что любым звонком будет просто отнимать у нее драгоценные минуты отдыха.

И Кирилл так растерялся, что, выходя из подъезда, сообразил, что разрешение ей звонить получил, – а номер мобильного-то забыл спросить.

А потом завертелась кутерьма – когда стало дико и страшно читать новости на последних недобитых свободных сайтах в интернете, и когда быстро стало понятно, что покушение на Асю было совсем не случайностью, и не творческой самодеятельностью псевдо-патриотических отморожков, а предвестником массовых уже, целенаправленных, централизованных, продуманных репрессий и травли всех независимо мыслящих людей, способных к сопротивлению диктатуре.

Он увидел ее всего-то еще раз – мельком, в толпе, уже на Болотной, когда ее уволокивали в ментовозку, – рывнулся – спасти, заступиться, – но не смог прорваться даже через первый из двух кордонов омоиодов, их разделявших. А потом и его упаковали.

А уж когда стало известно, что Асе удалось сбежать из-под домашнего ареста и выехать в кузове чьего-то грузовика под видом мешка с картошкой, прочь из страны, – совсем глупо, бестактно и провокативно было бы с его стороны звонить по неблизким политизированным знакомым, вхожим в оппозиционную тусовку, расспрашивать, из праздного интереса, где она. В фэйсбук Асе он написал встревоженную маляву сразу же – но Ася то ли фэйсбук не просматривала, то ли письмоцо от чужака, как это бывает, упало в какой-то фильтрующий малозаметный ящичек, – в общем, ответа на него Кирилл тогда так никогда и не получил. Ни одной новой записи в Асином фэйсбуке никак почему-то не появлялось – либо она не вела его больше, чтоб грушные хакеры не засекли ее новое место жительства, либо вела, но какой-то другой, под псевдонимом, – псевдоним этот был Кириллу неизвестен, – а расспрашивать кого-то из серьезных людей об этом, в этой чудовищной ситуации, опять же, было неловко, – чтобы в его любопытстве не заподозрили какую-нибудь провокацию («ну кто я такой, – чтобы мне во всю эту серьезную игру лезть?») – всё время будто бы смущался себя Кирилл). И к тому времени, как и сам Кирилл, получив в Москве повестку на допрос и пережив в своем главном офисе сарацинский набег в стиле маски-шоу головорезов (гугниво и косноязыко уверявших, игриво приставив к нему автомат, что они из какого-то «управления «Эээээ...», но никак не могших определиться, что ж за криминал они ищут? – дыры в неисправных огнетушителях? пыль с Болотной площади на башмаках Кирилла? приторные пальцы бухгалтера, евшего руками сладкие булочки на незаплаченные налоги? или всё-таки попросту и честно: немое презрительное осуждение бандитского зажавшегося силового реваншистского режима в глазах?), – немедленно же тихо продал партнерам по бизнесу свою фирму и, без всяких понтов, но со стопроцентной уверенностью в правильности этого шага, скипел на французскую дачу в бессрочные летние каникулы, – кто-то вполголоса уверял, что Ася, якобы, нелегально скрывается в Латвии, а кто-то со знанием дела поправлял, что уж давно через Украину выехала в большую Европу и запросила убежища.

В первый год-два жизни на сладкой чужбине у Кирилла была ломка – Кирилл чувствовал себя не у дел, в голос рыдал, когда видел в интернете, на заблокированных для русских читателей сайтах, видео, как арестовывают и избивают людей на улицах Москвы на демонстра-

циях, французским друзьям с трудом удавалось винтить его, когда он порывался ехать в аэропорт и самоубийственно бросаться обратно в омут: «я должен был быть там, трус, малодушный трус, надо было остаться и сражаться!» – и всерьез готовился, тайком уже от здешних друзей, всё-таки, немедленно прилететь в Москву «на баррикады» – когда почувствует, что именно физическое присутствие его на баррикадах сможет хоть на что-то повлиять, – хотя, разумом, и отдавал себе отчет, в каком заведении, ровно через полчаса после приземления, он окажется. А уж когда спецслужбы начали отстрел да потравы... Когда спецслужбы начали вновь, как в прошлом веке, криминальными методами практиковать излюбленный «неестественный отбор» и селекцию, и селективно редить ряды диссидентов... Когда из приличных людей в живых в лидерах оппозиции никого не оставили... А тех, приличных, кто ухитрился выжить, выдавили за границу в изгнание... Когда «поддерживать» (странный глагол! в воображении вызывавший только плашмя тяжело падающее простреленное на мосту тело) среди лидеров оппозиции уже в общем-то было некого... Когда Кирилл всмотрелся и рассмотрел холодные рептильи глаза убийцы, которые теперь были глазами его страны... Когда родная страна ужаснула звериным оскалом словно бы в оборотней в полнолуние от запаха первой крови превратившихся вроде бы вчера еще нормальных, вроде бы вчера еще по-русски милых и вроде бы вчера еще добреньких обывателей – вдруг перекинувшихся в убийц, жаждущих чужой крови и улюлюкающих, словно стадо фанатов-убийц, выдавая жожакам индульгенцию на всё новые и новые убийства и войны... Когда он расслышал этот страшный гогот и нечеловеческий, вурдалачий голос озверевшей, офигевшей в жестокости и зверстве страны за спиной... Когда выжившие, вполне прирученные, вполне выдрессированные режимом, вполне вписавшийся в систему «оппозиционеры», боясь обидеть быдло, начали, криво подмигивая и нервно подергивая глазом, поддерживать крымнаш... Когда... В общем, Кирилл не то чтобы плюнул – но решил не оборачиваться и идти вперед: как-то осознал, что совесть его спокойнее как раз именно здесь, в той ситуации, когда в паскудной сваре не участвует и ответственности за действия режима не несет.

И вот Кирилл начал учиться быть благодарным судьбе за то, что имеет. И прежде всего – за свободу. Завел еще больше друзей, из местных, нанял французского филолога-репетитора, чтобы избавиться от акцента, попробовал даже вложить деньги в бизнес во Франции. Да какой там бизнес... Так, по мелочи... Местные, совершенно незаслуженно, считали его «меченатом» (помог двум русским беглым оппозиционным активистам) и «издателем» (заочно, в виртуальном издательстве, пособил вдове знаменитого московского барда издать мемуары – и заодно заказал перевод книги на французский и издал на Амазоне – и теперь носил всюду с собой книжку, хвастался, как ребенок), – и все это Кириллу, безусловно, льстило. Кирилл всегда прежде, оказываясь в компаниях с гуманитариями, чуть-чуть как будто стеснялся своего бизнесменства – которое у него всегда, с молодости, почему-то получалось ладно и гладко, – и сразу деньги оказывались в кармане, – но он-то иногда себя за это втайне ненавидел и всегда как будто чуть-чуть раскаивался, что гуманитарного образования, – вопреки мольбам покойной матери, – никогда толком так и не получил, – хотя и читал всегда, с юности, очень много. И, в интеллигентских компаниях, слегка, что ли, комплексовал, что не может, так же легко, как собеседники, жонглировать цитатами да именами модных авторов, – хотя и знал, чувствовал, что он и глубже, и серьезней, и, в глубине души, интеллигентней многих из тех, кто, по чудовищной привычке московских интеллектуалов-тусовщиков, все важные ценности спускает по дешёвке в стёбе через губу. И поэтому теперь так и лелеял единственную эту, пока, изданную им, книгу – как некоторые дорожат коллекциями антикварных драгоценностей, – и всерьез даже раздумывал, не основать ли и вправду издательство – как пропуск в какую-то новую, интеллигентную, жизнь. Но в общем-то всё это оставалось пока только сладкими проектами. Во вдумчивой от природы, медлительной, неповоротливой (не такой совсем быстрой и оборотистой как внешняя его бизнес-жилка), застенчивой его душе. Всё раздумывал: если

уж и вправду замутить издательский бизнес, то нужно же найти что-нибудь переиздать яркое, эдакое, неожиданное, элитарное, древнее, – полностью противоположное дешевой примитивной жвачке для тупиц, которую сегодня все издатели штампуют в пестрых фантиках...

Французское гражданство, как многолетний завсегдатай, Кирилл в прошлом году получил уже без проблем. И уж до этого объездил всю Францию, в поисках выгодных бизнесов, куда бы еще инвестировать. Жизнь покатила как в Москве – бурная, – занятая, набитая до отказа.

А вот прошлым летом случилось что-то невероятное и совершенно Кириллом прежде не предвиденное. Нежданное. Жара настолько выбила из ритма внешней жизни, что Кирилл, дав себе поблажку, и отменив все деловые (и бездельнические тоже) встречи, вдруг сказал себе: всё, хватит. Устал. Отключил телефон. И завалился, с электронным ридэром, читать – в кондиционированную прохладу белых простыней, пухлого одеяла и горы высоких подушек.

И вот хрустнула, блаженно и сладко потягиваясь и разминая занемевшие и атрофировавшиеся было от многолетнего бездействия мускулы, душа. И Кирилл наконец-то вдруг почувствовал, что его перестали травить вечно несатытым зверем-временем в цирке мира на потеху идиотам – улюлюкающей публике в амфитеатре. Вот она – самая большая роскошь в мире – роскошь чтения до четырех утра, до рассвета. Роскошь высыпаться после этого до полудня. Кирилл вскакивал, безукоризненно затягивал постель (моряцкая привычка); натянув шорты, завтракал на каменной открытой веранде (каждый день говоря себе: уж сегодня непременно пойду на море, заставлю себя, выкупаюсь, а вечером непременно выберусь в город, посижу поговорю с друзьями), – заходил в прохладную комнату и тут же рухал обратно, с новой книгой, загруженной в ридэр, в безукоризненно заправленную постель, и никуда не шел, никуда не ехал. Кирилл вычитывался всласть – впервые в жизни не заботясь о том, чтобы «вовремя» проснуться и «вовремя» поспеть на какую-то очередную идиотскую встречу, – «вовремя» для него теперь было совсем другое. И мозги и душа (с легким немением восторга впервые свершаемого предназначения) впервые в жизни занялись своим прямым делом: свергнув диктатуру времени, вволю думать, вдумываться (а не скользить по поверхности событийного), чувствовать (интуитивно вчувствоваться, чтобы разгадать духовную суть вещей), – вместо того, чтобы подсчитывать выручку и кумекать, как уходить от налогов.

Он взялся раньше всего – в поисках чего-нибудь эдакого для переиздания – за те древние богословские книги, которые когда-то любила его мать, и до которых у него как-то никогда прежде график не доходил почему-то. Вчитался – и вот дрогнула в душе удивительная, самая амбициозная в жизни, надежда: найти вдруг ответы на те главные вопросы, которые мучили подспудно, как подкладка всех внешних событий, всегда, – но которые всегда было как-то некогда толком обдумать (а точнее – от обдумывания которых Кирилл, как и большинство людей, себя страховал и избавлял, бессознательно забывая до отказа жизнь суетливой ежедневщиной). Откуда в этом мире так много злых мерзавцев? Почему как раз злые мерзавцы-то у власти в мире регулярно и оказываются – убивая, унижая, притесняя тех, кто почестнее да подобрелу? Откуда вообще всё зло – (насилие, убийства, несправедливость, смерть!) – в этом мире, так вьевшееся в ежедневщину, что, в общем-то, составляет самую суть этого мира? Ведь если вдуматься в то зло, которое ежедневно привычно происходит даже в дикой природе (сильный убивает слабого, каждый кого-то убивает и пожирает), становится очевидным, что природой руководит тоже злой подонок. Почему этот мир так зол? Почему всё с таким гнусным садизмом здесь устроено? Почему истина побеждает в этом мире лишь на краткий миг – чтобы опять быть убитой?

Некоторые вопросы – которые прежде, когда Кирилл в суматохе дней, с почтением, всё откладывал их обдумывание на потом, казались ему большими (над которыми меж людей принято «думать»), – вдруг сдулись до неприлично микроскопического размера и, при первом же

прикосновении и испытании их внутренним вдумчивым взглядом, – с удивительным грохотом лопнули.

А вот эти вот главные, конечные вопросы, над которыми Кирилл никогда всерьез даже и не осмеливался думать, задерживая их окружающей видимостью, как гардинами, вдруг встали перед ним, в полный рост, больше мира, и пристально смотрели ему в глаза, ожидая его ответа, выбора. И жить по-старому – отвернувшись и забыв эти глаза – впервые осмысленные, впервые достойные жизни, – было уже невозможно.

Ему поначалу было трудно и стыдно читать – книги цитировали что-то, ему не очень знакомое, – но, идя наощупь по лабиринту линков, кликая на бутоны неизвестных слов, имен и понятий – и изумляясь расцветавшим из них цветам, – наводя в интернете справки и, по непонятным упоминаниям, открывая всё новые книги, Кирилл вдруг блаженно почувствовал, что нездешняя, подлинная, добрая, чистая и безгрешная Вселенная, которую, инстинктивно, нащупывает, в поисках места для живой жизни, его душа, – Вселенная, в которую выводили двери из микро-вселенных внутри некоторых из читаемых им древних исповеднических книг, и которая за этими книгами внятно чувствовалась, – все больше превращается в очезримую внутренним взглядом реальность, попирая узурпаторский диктат земной видимости.

И вот вдруг (когда перестал бояться, что наткнется на заумь и ничего не поймет, а стал просто вчитываться, открыв сердце) распознано сердце и весь он откликнулся особым родственным резонансом на поразительную красоту вроде бы простейших, но непревзойденных духовных метафор мученика Игнатия Богоносца, благословлённого, в последние несколько месяцев жизни, перед казнью, даром творить духовные тексты – на мученическом пути на зверскую расправу за веру, из Сирии, через Малую Азию, в Рим. Господи, как красиво, какое чудо – Игнатий называет кандалы, в которые он закован, духовным жемчугом... И говорит, что хотел бы в этом жемчуге и воскреснуть... Господи – это даже не «метафора» – это зримое преображение – преломление уродливого падшего мира, преобразование в ту настоящую, духовную, противоположную этому зримому миру реальность, где (как ярко увидел и почувствовал это сейчас вмиг Кирилл!) все вещи вдруг преобразены будут в свои противоположности – как бы будут вывернуты с изнанки на лицевую сторону. Какое чудо! «Никакой пользы мне не принесут ни удовольствия мира сего, ни царства мира сего! Лучше мне умереть за Христа, чем царствовать над всей землей!» – какой яростный, искренний, несломленный Игнатий. Вот же он – камертон Истины, – показывающий, в какую пропасть отпадения забрели впоследствии все царьки, президенты и прочие жадные до баб, бабла и земель мелкие кесарьки, называвшие (и называющие!) себя «христианами»... Да и огосударствлённые «священники» на востоке и омирщвлённые священники на западе – тоже... «Не намащайтесь зловонными традициями князя мира сего!» Какой удивительный непревзойденный уровень сознания у Игнатия – и когда? Всего-то сто какой-то там год от Рождества Христова! сто десятый, или сто одиннадцатый! ведь написано почти две тысячи лет назад! Мы все кичимся каким-то «прогрессом» – а ведь на самом-то деле, мы все, наоборот, деградировали донельзя! Ну кто сегодня так может написать! Господи, какая зияющая пропасть – между вот этим, Настоящим, между всеми этими прозрениями Игнатия, перед тем как принять мученическую смерть за христианскую веру, – и нашим теперешним убогим падшим самодовольным напыщенным жестоким и тупым и пустым мирком, который я вижу каждый день вокруг! Да ведь если переиздать письмо Игнатия римлянам – это же перевернет жизнь любого! Ведь любой, даже какой-нибудь циничный столичный интеллигентствующий жлоб, прочитав это, содрогнется, всплачет и раскается!

Где-то за дверью буйствовала в то лето убийца-жара: язычники японцы, даже ходя под бросающими на их головы тень зонтиками, гибли от невероятных плюс сорока пяти градусов по Цельсию (а у Кирилла всё, что было теперь за душой, – всё было, наоборот, против Цельса!). Даже христиане-греки гибли в пожарах, греческие приморские деревеньки превра-

щались в пепел за несколько часов, машины плавались, люди бежали в море, пытаясь спастись, но не могли – потому что море вскипало.

Кирилл просыпался около полудня, после очередной насыщенной чтецкой ночи, вмещавшей Вечность, – натягивал шорты; шлёпал босиком к окну, вздергивал, перебирая хлопковую вервь, белоснежные деревянные жалюзи (тем самым жестом, каким иные взнимают паруса на яхте в Villefranche или в Eze), напускал на деревянный паркет жгучую лужу солнца, выходил на каменную открытую веранду, недоверчиво зырился вниз, на особый, истошно-муаровый цвет моря – на зависшую над морем чуть заметную муторную матовую припадочную дымку – от нестерпимой жары и испарения морской соли, – нюхал за десяток вёрст разносящийся запах горных лесных пожаров на приграничных перевалах – и брезгливо щупал босым мыском раскаленные плиты: нет, невозможно идти на море наслаждаться той же самой жарой, которая рыщет вот в эту самую секунду по свету и убивает зазевавшихся людей... Нет-нет, куда ж мне идти, куда ж бежать от книг, от истины, – когда смерть может настичь через миг?! Задергивал жаберистые жалюзи, включал кондиционер – и вновь возвращался в снега постели, к компьютеру, к ридэру, к жадно закаченным на рассвете, новым (то есть самым что ни на есть старым) нечитанным еще, нерасчувствованным, книгам, на завтрак.

Знал, Кирилл знал, слыхивал (то ли из каких-то светлых солнечных щелей прежде читанных книг выпадало на него это знание, то ли из каких-то давно слышанных и давно забытых рассказов материнских подруг), что-то между строк в воздухе – как будто готова была формула: второе обращение, второе рождение. Но уж меньше всего Кирилл, с его прежде легким и в общем-то беззаботным характером, ожидал, что выпадет это в жизни именно ему. И всё исподволь дивился свалившемуся на него (не по заслугам! Не по рангу! Ну кто я такой!?) богатству.

Кирилл схватился было читать художественную литературу да книги по истории – читать да перечитывать читанное, некогда любимое, – и вдруг оказалось, что заново перечитывать, переписывать и переиздавать ему теперь необходимо всю собственную жизнь, всё мировоззрение. До чего бы, прежде, казалось бы, незыблемого, Кирилл теперь новым духовным взглядом ни дотрагивался – политика, художественные книги, – как тут же, вдруг, от легкого прикосновения, вроде бы прежде величественные здания, города и империи с грохотом рушились, и целые вроде бы прежде могущественные народы и сильные страны парадом шли в таргары, – и вслед за ними позорно отправлялись даже многие прежде вроде само-собой-разумевшиеся авторитеты в литературе. И вдруг даже и вся внешняя история начала выглядеть для него совсем по-другому – со всеми ее клеймёными привычненькими ужасами, которые рабы и идиоты считают нормой.

Когда стало попрохладней, поздней осенью, Кирилл начал выбираться в город, – на всё теперь как-то смотря совсем другими глазами, – без заплотности восторга от внешнего и с какой-то толикой грусти и раскаяния, и будто бы всё время чувствуя нереальность поволоки внешней событийности – словно бы всё время (даже встречаясь с друзьями за уличным столиком маленькой итальянской пиццерии на Жан Жоресе, разглядывая растоптанный трюфель трухи платановых листьев на трамвайных путях на бульваре и вроде бы беззаботно болтая) внутренне как будто бы легонько щипал себя за руку и спрашивал: это со мной происходит? Или это не со мной? Это я смеюсь на глупые шутки? Или это не я? Это вообще всё – настоящее? Все эти изощреннейшие ежедневные семейные хлопоты, о которых мне рассказывают друзья-французы? Или это всё ненастоящее, нереальное, некрепкий странноватый навязчивый сон, галлюцинация, которую сейчас сморгнешь, проснувшись?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.